

На следующий день я проснулся, как дерьмо, и я в настроении сделать какую-нибудь глупость.

Как президент и член студенческого совета, я обязан раздавать листовки. Под этим я имею в виду, что мы распространяем бесполезный хлам, который факультет хотел раздать. Студенты только кляли их в мусор, делая все это огромной тратой времени. Не спрашивайте меня, почему они до сих пор это делают! Блядь, если я знаю.

Я отказываюсь принимать участие во всем, что связано с раздачей мусора другим людям. Это слишком утомительно и бессмысленно. Присутствие меня здесь - подарок, которого ни один из этих ублюдков не заслуживает! Публичные выступления, с которыми я могу справиться, но это, блядь, ни за что! Я всегда придумываю тупые оправдания, чтобы избежать этого, но сегодня я сделал исключение.

"Пожалуйста, будьте внимательны к своему мусору", я говорю сильным женским тоном, что заставит Джоан Кроуфорд задыхаться. "Пожалуйста, помните о себе", - прошептал я под своим дыханием.

"Глобальное потепление реально, и оно глубоко беспокоит ваших студенческих лидеров", - воскликнул я с уравновешенностью Мэрилин Монро.

"Как и вы", я говорю так, как будто я Флоренс Найтингейл, хотя и не знаю этого дерьма. Я даже не знаю, что написано в этих брошюрах. Это вообще о глобальном потеплении? Мне все равно, никто их все равно не читает.

Очевидно, все они пошли прямо в мусорку или упали на пол. Я бы хихикал в тишине, наблюдая, как мои одноклассники разбрасывают листовки повсюду. Имейте в виду, что в пяти футах от меня есть мусорная корзина. Но это меня не беспокоит. Это ожидаемый результат. На самом деле, это тоже довольно забавно. Никто из членов студенческого совета, с которыми я встречаюсь, похоже, не в восторге от этого. На самом деле, зная, что брошюры, которые мы раздаем, не читаются, кажется, что здесь это нормально. Я даже видел, как один из членов задыхался, когда кто-то их читал.

Однако не смешно видеть, как мальчики смеются и дразнят друг друга после того, как забрали у меня листовки. Ожидается кошачий звонок, но когда они говорят тайно после того, как смотрят на меня - это то, что я не хочу видеть.

Один мальчик взял одну из листовок у меня из рук, когда он незаметно пытался сжать кончики пальцев до меня. Он слегка сжал нижнюю часть тела, когда оттягивал руки. Я заметила, как он пытался вздохнуть позади меня так тонко, как только мог, но громкие звуки воздуха, проникающего в ноздри, снесли ему крышку.

"Чувак, святое дерьмо, ты буквально чувствуешь запах президентских духов в этой штуке, которую она пропускает!"

"Правда? Я тоже хочу понюхать!"

"Ни за что, чувак!" Он прошептал, но вместо этого это похоже на рашпильный крик. "Эта моя! Если ты так сильно этого хочешь, ты должен выбрать его на полу."

Я слышу, как их смех перекликается со мной, как будто сам дьявол спустился из-под земли, чтобы обнять меня, как чувствует себя его дом. Я видел, как расширились глаза мальчиков, когда они смотрели на меня своими кровотокающими глазами. И как жир на их лицах становился все толще и толще, когда их пот стекал с их лба. То, как они хихикают, настолько тошнит, что кажется, будто их скулы обретают жизнь и принимают физическую форму, превращаясь в плывущие в воздухе кипы. И то, как они ухмыляются, просто, боже, заставляет меня захотеть убрать себя прямо здесь, прямо сейчас! Их пожелтевшие зубы делают невозможным игнорировать их улыбку, особенно когда их дёсны проявляются по мере того, как их рот становится шире на их лицах. Не могу поверить, что мне удастся выжить в окружении бесчисленного множества из них. Я втайне желаю, чтобы их слюна не падала на мою кожу, потому что даже их слюна пытается вырваться из их рта, и дождь идет из них, пока они говорят.

Жалкий и отвратительный.

"Вы уверены, что потерпите такое поведение, президент?"

Я смотрел на человека, который говорил со мной. Еще один член студенческого совета, этот, по крайней мере, не так раздражает, как секретарь.

"Все в порядке, они это переживут."

"Это то, что вы сказали, но у вас очень неприятное выражение лица с тех пор, как вы пришли сюда в коридор с нами."

Я хихикала. Наверное, это потому, что я пытаюсь найти Джона среди почти идентичных парней, проходящих мимо нас.

"Это действительно ерунда. Я справлюсь, я думаю? Кроме того, я слишком долго пренебрегала этой работой. Пришло время твоему президенту наконец-то повысить свою лигу".

"Давай, Стеф. Все мы в комитете знаем о письмах. Они доставали тебя, не так ли? Клэр единственная, кто думает, что письма милые, потому что она глупая! Но мы все знаем, что внутри них. Мы не можем понять, почему ты позволяешь им так унижать тебя, но мы знаем, как сочувствовать. Нет необходимости заставлять себя". Какая сердечная вещь, какая страстная.

"Как много ты знаешь о письмах?"

"Мне так жаль, что это не мое дело, но..." Заинтересованный член пытался отвернуться, плечи опустились, и мягкое дыхание сбегало с ответом. "В прошлом месяце я взглянул на одно из писем, которые вы получили, потому что, по правде говоря, мне любопытна ваша личная жизнь. Я так тебя боготворю и все такое. Я не ожидал этого..."

"Ничего страшного. Я в порядке. Письма меня не беспокоят. Они просто кучка жаждущих мальчиков, пишущих о неприятных вещах." Я улыбнулась, когда положила руку на плечо этого младшего перед собой. "Спасибо. Вы, ребята, беспокоились обо мне?"

В конце концов, молодой член студенческого совета набрался храбрости и посмотрел мне прямо в глаза: "Да. Мы были очень обеспокоены, президент. Мы не хотим, чтобы за вами шли эти... люди с такими отвратительными письмами, которые посылают к вашему столу!"

"Простите, не обижайтесь на этот вопрос, но как вас зовут?"

"Можешь звать меня Лекс, это прозвище моя мама зовет меня."

"Точно", - сказал я, кивая головой, улыбка, нарисованная по всему лицу. "Лекс, Лекс, ааа... Лекс, я запомню это имя. Какой у тебя год?"

"Это мой первый год здесь, президент, надеюсь, вы не возражаете."

"Первый год? И ты уже участвуешь в вопросах, связанных со студенческим советом?"

"Да, я просто чувствую, что могу сделать наш кампус лучше по-своему, протянув руку помощи."

Мои глаза тускнеют и улыбка исчезает, когда я слышу эти слова.

Это заставило меня вспомнить те дни, когда я был молодым членом студенческого совета. Когда-то я тоже был первокурсником. И я был таким же веселым и восторженным, как и на первом курсе. Это напомнило мне день, когда я стал членом совета. Первое, что я сделала для общины, это передала листовки вроде этих. Ничего особенного, просто чтобы помочь, тогда я по-настоящему заботился о нашем кампусе, верите вы или нет.

В ночь того же дня кто-то написал мне в Твиттере и подробно рассказал, как он использовал листовку для мастурбации. Он сказал, что думал обо мне. Этот парень сказал мне, что обернул его вокруг члена и дробил. Он даже описал, как тепло он чувствовал в своем стволе и как удивительно, когда край памфлета ударил по голове его пениса. Он сказал, что мне кажется, что я делаю это с ним, потому что я дотронулся до бумаги своими руками.

На следующее утро я чувствую, как мужчины вокруг меня простреливают свои глаза прямо мне в грудь, когда я иду по большому коридору; как ни странно, в том же коридоре было такое

ощущение, будто он тесен, как темный переулок. Все эти отвратительные, потные, негигиеничные, вонючие ублюдки вожделеют мое тогдашнее маленькое и маленькое тело, как будто я кролик, бегущий по джунглям, пытаюсь сбежать от группы анаконды.

Они все вместе в сговоре. Все они используют свои грубые руки, чтобы погладить свои маленькие члены и выкрикнуть мое имя во время просмотра порно примерно два-три раза в день. Они проецируют на меня всякие запутанные сексуальные фантазии, даже если они меня не знают. В их головах я их раб, и мой разум всегда был заперт в клетке, в которую они меня посадили.

Знаешь, как я узнал об этом? Гребаные письма. Когда я заблокировал всех учеников нашей школы мужского пола в моих социальных сетях, письма начали выливаться. Я рассказал об этом нескольким своим учителям. Я даже позвонил в полицию, сколько себя помню. Я думаю о двенадцати? И они не восприняли меня всерьез. "Господи Иисусе", я представляю, как они говорят в затылке: "Это всего лишь несколько мальчиков".

Я просто сказал себе: "Хватит уже брошюр". Они больше никогда не увидят, как я их раздаю!"

Такое ощущение, что я забегаю вперед, думая об этом. Простите, я не должен быть слишком эмоциональным по этому поводу; я каждый день предупреждал себя, как это делает меня похожим на картину Бутлега Пикассо. Стресс, в конце концов, плохо влияет на цвет лица. Когда я вернулся к реальности, все уже были заняты раздачей брошюр, которые, кажется, никто не заметил, как я расставил акценты. Почему я опять здесь?

Ах, да, план для Джона Смита. Другой план. И я не могу обещать вам ничего захватывающего, но тем не менее, это план, который может сработать, это начало! Все просто: я лично передам копию этих брошюр Джону. Я подчеркнул в ней восемь слов, чтобы она послужила импровизированным скрытым посланием.

Познакомьтесь. Я. Ванная. После. Класс. Скажи. Я. Всё.

Это был удар по луне. Он ни за что этого не заметит, готов поспорить, что он скомкает его и выстрелит в мусор, как баскетбольный мяч. Но часть меня надеется, что он достаточно умен, чтобы получить его. Достаточно скучен, чтобы прочитать его. Достаточно тупой, чтобы сделать это.

Я не монстр, каким ты меня считаешь. Мы с Джоном не в хороших отношениях, но он сталкивается с противником. И я ни на секунду не верю, что что-то не зловещее. Сейчас ему кто-то нужен больше, чем когда-либо. Я не хочу быть этим кем-то, но я готов выслушать. Кроме того, к тому времени он классифицирует меня как друга, и в этом все дело. Классика меня, убить двух зайцев одним выстрелом.

Через меня проходит легкий порыв ветра, когда я вижу человека с большой черной гарнитурой и знакомой поношенной черной сумкой, проходящего через мое периферийное зрение. Я взял специальный листок бумаги, который я объяснял ранее, со дна стопки бумаг, которые я ношу с

собой.

"Возьми это, Джон Смит", - сказал я, протягивая руки вперед перед ним. Другой простирается к нему, бумага в руках. Может показаться, что в нормальной школьной обстановке ничего и нет, но если именно президент студенческого совета перекрыл этот путь, то никто не сможет его пройти. Социальная блокада намного сильнее, чем любые тяжелые валуны.

Джон Смит на мгновение устоял на кусок глянцевой бумаги, застрявший между кончиками пальцев. Он медленно оттянул его от меня, я чувствую, как гладкая поверхность бумаги скользит по моей коже. И когда бумага достигла края, я сжал пальцы достаточно сильно, чтобы не дать Джону нежно потянуть. Похоже, Джон хорошо понял мои последствия, когда направил свой взгляд на меня.

"Что?" Он сказал, сбившись с толку.

"Лучше бы тебе прочитать то, что внутри этой чертовой штуки, Джон Смит." Я сделал шаг вперед. "Каждая буква или цифра, и ни одна буква не должна оставаться непрочитанной. Не снимай и не смей сканировать. Читай. Прочти все". И как будто я недостаточно очевиден, я сделал еще два шага навстречу ему, убедившись, что нас разделяет всего лишь два дюйма пространства. Он инстинктивно оттянул от меня верхнюю часть тела, но его руки продолжали цепляться за брошюру.

"Хорошо". Он сказал спокойно, но с намеком на нервозность, которую я почему-то могу обнаружить.

"Я буду очень разочарован тобой, если ты бросишь это, Джон. Очень, очень разочарован". Я прищурился глазами и наклонил плечи немного вперед, когда шептал: "Надеюсь, ты знаешь, что случится, если ты разочаруешь меня, Джон".

Он проглотил свою слюну, когда оглядывался вокруг нас. Люди уже начинают замечать нашу компрометирующую позицию, и Джон, похоже, первым почувствовал беспокойство в этой ситуации, в которую я сам себя втянул.

"Я понимаю". Он прошептал в рашпиле.

"Хорошо". Я отпустил бумагу из кандалов пальцев, и в качестве продолжения я тоже отпустил Джона. Он поспешил в класс, в то время как я продолжал раздавать бумаги, как будто ничего не случилось.

После уроков. Джон ушел в спешке, когда прозвенел звонок. После нескольких необходимых встреч я побежал прямо в комнату отдыха. Там нас никто не увидит. Но я помню способности этого преследователя. И, честно говоря, я тоже не куплюсь на то, что сказал раньше. Часть меня говорит, что этот ублюдок все еще может нас видеть. Возможно, он смотрит на меня сейчас.

Я уже час жду, но никаких следов Джона до сих пор нет. Ни намека на его тень, ни тени его тени. Думаю, он не получил сообщение. Ну, это стоило того, чтобы выстрелить. Я пойду домой.

"Привет". Знакомый шепот заставил меня закричать. Он вовремя прикрыл мне губы, прежде чем я успел сказать хоть слово.

Я посмотрела на него. Это Джон. Теперь он выглядел ровным, и огонь в его глазах говорит, что мы можем поговорить. Он приложил свой указательный палец к губам, явный признак: Я должен заткнуться нахуй и не двигаться. Я кивнул. Он отпустил руки. Я задыхаюсь, когда вдыхаю воздух обратно в себя.

"Его здесь нет?" Я спросил, задыхался.

"Я не уверен".

"Я в безопасности?"

"Какая разница?"

"Да".

Нет. Это не важно, я хочу знать. Похоже, его не волнует мой ответ. Он начал искать предмет в своей сумке еще до того, как я сказала "да". Он взял сумку поменьше изнутри. Он жестом попросил меня забрать его. Я схватил его. Потом я открыл его. И взял то, что внутри.

Джон Смит снова напугал меня до смерти.

Первое, что я увидел внутри, это фотографии Джона. Он единственный в ней. Это фотография, где он спит. Я посмотрел на количество фотографий, которые я сделал внутри сумки. Их так много, как будто я смотрю на страницы своих учебников по английскому.

Это просто куча фотографий Джона, спящего в своей комнате? Я так и думала, пока не увидела двенадцатое фото.

Это фотография Джона без рубашки в его комнате.

Фотографии после него снова без рубашки. Та, после которой Джон выходит из ванной, без рубашки с полотенцем на голове.

"Где вы это нашли?" Я спросил, в шоке. Я должен бежать. Что бы это ни было, это плохо. Это не входит в мой план. Я слишком в этом участвую.

"Я всегда нахожу их на своем столе каждый день. Он оставляет их там."

"Подожди. У него есть способ войти в твою комнату?"

"Похоже на то." Он сказал, отвлекая свой взгляд.

"Что значит "похоже"? Разве это не опасно? Это нарушение границ!"

"Меня это беспокоило. Но это происходит уже давно, и я устал от этого. Я также много чего сделала, чтобы оттолкнуть его. Я тоже от этого устал".

Что он имел в виду "долгое время"? Оттолкнуть его? Я не понимаю, что он пытается сказать. Что он имел в виду под "устал от этого"?

"Как долго это происходит?" Ты же не хочешь сказать, что он способен терпеть это дерьмо "долгое время"?

Он молчал. Значит, он снова даёт мне молчание, да? И вот я подумал, что у нас наконец-то что-то происходит. Я искал еще фотографии, когда услышал вздох Джона.

Он колебался. "У вас есть вопросы?"

"Можешь попробовать ответить на тот, который я задал", - сказал я без колебаний.

"Все, что угодно, только не это, пожалуйста."

"Тогда у меня еще много всего", - ворчал я. Сегодня утомительный день. Я даже не могу вытащить выступление, удостоенное награды Академии, чтобы спрятать настоящую меня. Но на его взгляд скрывать мою настоящую личность - не моя забота. "Как он может делать эти снимки? Только не говорите мне, что у него есть суперсилы. Поверь мне, если ты скажешь, что я надеру тебе яйца".

Джон Смит снял рюкзак с плеча, чтобы прикрыть нижнюю половину тела.

"Ты шутишь?"

"Я такой же невежественный, как и ты, но как еще я могу объяснить это, кроме суперсил? Единственное, о чем я знал, это то, что он сделал снимки из окна моей комнаты. Я тоже этого не понимаю. Вот почему я попросил отца сделать тонированные окна".

Это значит, что больше никаких его фотографий за окном, но я даже не нахожусь на полпути к

куче фотографий, которые он мне дал. Есть еще, есть еще столько всего!

Я с большой поспешностью переворачиваюсь с одной фотографии на другую. Пока что все снимки сделаны из окна, сделаны из окна, потом черные, черные, черные, черные, черные. Пять черных фотографий!

Шестая фотография, однако, уже не черная. И, боже мой, я хотел бы, чтобы это было вместо него. Я уронил все фотографии, которые у меня в руках, после того, как увидел эту определенную картинку.

Это фотография крупным планом Джона в душевой в ванной.

Когда все фотографии упали на пол, я увидела, что их больше. Фотография Джона обнаженного в ванной, фотография Джона обнаженного на кровати, фотография Джона обнаженного на ванной, фотография Джона обнаженного внутри шкафа, плачущего, и фотография лица Джона со слезами по всему лицу.

Все это снимки крупным планом, сделанные в его комнате.

Он встал на колени и сделал все рассеянные фотографии на полу. Он смотрел на меня с большой грустью в глазах.

И все же, показав это грустное состояние, он все равно улыбнулся. Но с водой в глазах, я вижу, что его улыбка ложна. "Сначала мне показалось, что кто-то пытается спеть мне песню из окна. Сначала мне показалось, что снимки были довольно милыми. Я подумал, что это звучит здорово".

"Пытался спеть тебе песню? Я не знал, что камера твоего преследователя - певица!" Я сделал саркастический фырканье, выражающий мое неверие. "Просто... Я не понимаю! Кто-то фотографирует тебя, и ты думаешь, что в этом есть что-то хорошее? Ты с ума сошла? Ты сошла с ума?"

Он делает паузу. Так как он встает на колени, когда пытается собрать разрозненные фотографии на земле, я не могу увидеть его лицо. Я не могу расшифровать выражение его лица, но могу предположить, что оно неприятное.

"Скажи мне, Джон. Почему они так с тобой поступают? Я знаю кое-кого, кто может тебе помочь!"

Он вытирает глаза спиной руки. "Я заслужил это."

"Почему?" Я закричал. Тишина нашего окружения перекликается с моим голосом, и он посылает дрожь через мое тело. "Ты что-то сделал, Джон?" Я сказал, сохраняя спокойствие.

"Нет," Легкое дрожание его голоса дает мне подсказку, что плакса снова в нем.

"Ты являешься ли ты частью любой преступной ассоциации..."

"Что, черт возьми, нет! Я невиновен."

"Тогда почему? Я не понимаю!"

Он хихикает. "Никто не понимает." Он смеялся со слезами, лопнувшими, как кран, из глаз. "Я должен сжечь эти фотографии."

Я растоптала последнюю фотографию на полу, которую Джон собирается сделать. Шум моих шпилек напугал его. "Тогда объясни! Заставь меня понять тебя!" Я хрустнул каблуком по фотографии, на которой Джон смотрит прямо в камеру.

Он направляет свой мягкий взгляд на меня. Я смотрю на него покрасневшими глазами. Мы оба на мгновение перестали двигаться. Воды в его глазах больше нет. Печаль отсутствует в нем. Осуждение - это то, что я вижу в человеке, стоящем на коленях передо мной.

"Помогите!" Он сказал, почти как шепот.

"Помогу", - сказал я с уверенностью. "Обещаю".

Смейся надо мной, потому что даже я больше не могу понять себя. Не в моем стиле рисковать собой ради такой маленькой награды. Я должна просто бросить его. Я бы сделал это, если бы обстоятельства не были такими странными. Почему я продолжаю в том же духе? Я так запуталась. Из всех людей в мире, это должен быть Джон Смит, который заставил бы меня собраться с мыслями вот так.

Джон написал мне после нашего разговора, это была тихая ночь, слишком тихая для нашего района. Не спрашивайте меня, откуда он узнал мой номер; я так же удивлена, как и вы! Больше всего меня беспокоит то, что он указал в своем сообщении. Он сказал мне, что поймал преступника. И он стоит перед ним. К сообщению прилагается фотография странно выглядящего человека. Это так чертовски уродливо, что даже отвратительное, нечеловеческое лицо чуть не вырвало меня!

На фотографии мужчина, которого Джон считал своим преследователем, голый. Он приседает, но то, как его ноги размыты, означает, что он в движении. По сравнению с тощим телом Иоанна, этот человек покрывает себя отталкивающими несовершенствами. Волосы обволакивают его тело, но его маленькие гениталии, свисающие между ног, лишены волос. Он приседает с камерой на руках, так что легко разглядеть толстые вены в пучках конечностей. Он худой, но желудок у него такой вздутый, что я подумал, что он вот-вот лопнет! Его глаза так глубоко под темными кругами вокруг него, что я перепутал его с ужасным макияжем.

А вот и его улыбка, черт возьми, его улыбка.

Его слюна капает изо рта, а зубы как клыки акул! Длина его улыбки от уха до уха. Верно, его рот начинается от одного уха к другому, превращая его лысую голову во что-то вроде страшного пасхального яйца, прикрепленного к деформированному человеческому телу. Я не могу это объяснить, но среди всего отвратительного, что есть в его теле, больше всего я заметил его улыбку. Что-то в ней меня беспокоило.

Теперь я понимаю, почему его лицо выглядит так неправильно.

Он не улыбается. Углы его рта растягиваются, заставляя улыбаться. Как будто где-то есть невидимый крюк, который тянет его за щеки, заставляя улыбаться. Я больше не могу нормально видеть его щеки из-за того, как растянут его рот. Его губы потрескались, верхняя часть ботинка кровоточит. И когда я смотрю в его глаза, я вижу, я уверен: Эти глаза не улыбаются.

Эти глаза не обладают ни жизнью, ни светом, ни душой. Эти глаза как будто выскочат с экрана, чтобы погладить мою кожу. Эти глаза. Они выглядят такими раздутыми, что это бесчеловечно. Да, именно. Нечеловеческие. Не может быть, чтобы эти глаза были человеческими.

Его тело покрыто волосами. Его гениталии полностью обнажены. Его руки покрыты венами. Его рот вытянут широко. Его глаза - это глаза кукол, насильно вставленных в глазницы.

Я безмолвна. Что бы это ни было, это точно не преследователь Джона. Это чудовище!

Я ответил на текст простым "WTF", показывающим мое явное недоверие к фотографии. Я буду думать об этом как о шутке.

После семи минут без ответа от Джона, я попытался отдохнуть на ночь. Ничего хорошего. Увидев эту ужасную картинку, я вряд ли смогу хорошо выспаться. Я повернулся слева направо, но нет такой позиции, которая могла бы уменьшить мой дискомфорт. Или, по крайней мере, удалить память об изображении из моего мозга.

Потом я услышала телефонный звонок, это звонок с номера Джона. Что за безумное дерьмо он собирается вытащить сейчас?

"Алло?"

Что отвечает мне, так это дыхание: "Что такое, Джон? Уже поздно, зачем ты мне звонишь?" Я спросил, но он ответил, что больше задышался. Какого хрена он хочет?

Я заметил, что он звучит так, будто бежит? "Джон, перестань шутить, или, клянусь, я... Я

повешу трубку." Я собирался сказать, что ударю его по голове, если он продолжит это делать, но это не мило. "Джон?"

"Помогите!"

Звонок закончился этим шепотом. Я уже слышу звук своего телефона, но все равно выкрикиваю его имя. Я пытался перезвонить. Никто не ответил. Я пыталась написать ему. Никто не ответил даже после того, как я отправила около сотни сообщений. Я так разозлилась, когда одноклассник позвонил на мой номер, потому что подумала, что это Джон. Со страхом и гневом во мне, я бросила свой телефон на стену. Я мгновенно пожалел об этом решении, когда мой телефон перестал работать после шока. Я встал с кровати. Дёргаясь руками на лбу, я ходил, пытаясь успокоиться. Я не должен был бросать телефон. Я могла спросить у кого-нибудь, где живет Джон. В моей голове столько дерьма, что я не могу найти время, чтобы расслабиться.

Голос Джона Смита звенит по всей комнате, и кажется, будто по темным углам комнаты таится чудовище Джона, бродит вокруг меня. Я не смогла заснуть той ночью.

<http://tl.rulate.ru/book/35095/771234>